Оригинальная статья
УДК 343.285
DOI: 10.61205/jrp.2025.1.3

Гражданин как участник пробации

Владимир Александрович Уткин
Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, crim_tsu@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-9126-7971

Аннотация. Отечественная и мировая практика свидетельствуют о значимости эффективного участия представителей гражданского общества в предупреждении преступлений среди освобожденных из пенитенциарных учреждений и осужденных без лишения свободы. Однако несмотря на принятие Федерального закона «О пробации в Российской Федерации», правовой механизм стимулирования и обеспечения данного направления активности граждан пока не сложился.

Цель исследования — теоретическое обоснование оптимальных организационно-правовых условий привлечения отдельных граждан к профилактике криминологического рецидива путем совершенствования ряда положений Уголовного, Уголовно-исполнительного кодексов Российской Федерации и Закона о пробации. Анализируя отечественный и зарубежный опыт, а также соответствующее законодательство советского периода, автор обосновывает вывод о том, что реальная профилактическая активность представителей гражданского общества в значительной степени зависит от конкретных юридических возможностей и стимулов. Относительно функционально обособленными взаимосвязанными направлениями негосударственной («потестарной») профилактики рецидива преступлений в этой области являются «общественное воздействие», «общественное содействие» и «общественное противодействие». Особого внимания в рассматриваемом контексте заслуживают такие организационно-правовые формы участия отдельных граждан, как их личное поручительство при осуждении без лишения свободы, условно-досрочном освобождении или замене наказания более мягким; деятельность общественных инспекторов уголовно-исполнительных инспекций; содействие граждан в восстановлении позитивных социальных связей осужденных в местах лишения свободы перед их освобождением.

Ключевые слова: Закон о пробации, потестарная профилактика, участие граждан в предупреждении преступлений

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-10043, https://rcsf.ru/project/24-78-10043/.

Для цитирования. Уткин В. А. Гражданин как участник пробации // Журнал российского права. 2025. Т. 29. № 1. С. 27—36. DOI: 10.61205/jrp.2025.1.3

Original article

Citizen as a Participant in Probation

Vladimir A. Utkin
Tomsk State University, Tomsk, Russia, crim_tsu@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-9126-7971

Abstract. National and global practice of criminal justice indicates the importance of effective participation of civil society representatives in the prevention of crime among persons released from penitentiary institutions and convicted without imprisonment. However, despite the adoption of the Federal Law “On Probation in the Russian Federation” there is no legal mechanism to stimulate and ensure this direction of citizens' activity.

The aim of the research is theoretical substantiation of optimal organisational and legal conditions for the involvement of individual citizens in the prevention of criminological recidivism by improving a number of provisions of the Russian Criminal Code, the Russian Criminal Executive Code and the Law on Probation. Analysing domestic and foreign experience, as well as the relevant legislation of the

Soviet period, the author substantiates the conclusion that the real preventive activity of civil society representatives is largely conditioned not by general declarations about "involvement", but by the level of organisational work of all links of the criminal justice system, specific legal opportunities and incentives. Relatively functionally separate interrelated areas of non-state ("potestar") prevention of recidivism in this area are "public influence", "public assistance" and "public opposition". In the considered context, such organisational and legal forms of participation of individual citizens deserve special attention as their personal surety in case of conviction without deprivation of liberty, parole or replacement of punishment with a more lenient one; activities of public inspectors of penal inspections; assistance of citizens in restoring positive social ties of convicts in places of deprivation of liberty before their release.

Keywords: probation law, potestar prevention, participation of citizens in crime prevention

Acknowledgments. The research was done under the grant of the Russian Science Foundation No. 24-18-1043, https://rcsf.ru/project/24-78-10043/.

For citation. Utkin V. A. Citizen as a Participant in Probation. *Journal of Russian Law*, 2025, vol. 29, no. 1, pp. 27—36. (In Russ.) DOI: 10.61205/jrp.2025.1.3

В 1841 г. в американском городе Бостоне известный филантроп, владелец обувной фабрики Джон Огастус[1] поручился перед судьей за преступника с просьбой не лишать его свободы и обязательством оказать ему помощь и контролировать его поведение. В обеспечение обязательства внес в суд денежный залог, который через год должен был возвратиться к нему, если подопечный не совершит преступления. В последующие 18 лет он подобным образом поручился за 1946 человек, содействуя им в получении профессии, обретении жилья. Как свидетельствует история, только 10 человек из числа тех, за кого он ручался, вновь попали на скамью подсудимых. С тех пор Огастус считается «отцом американской пробации» в ее классическом понимании как условного осуждения, предполагающего известный режим испытания.

Выдающийся российский пенитенциарист И. Я. Фойницкий описывал сходный институт в Англии XIX в. и в русском праве XVII в.[2]

Возможна ли аналогичная ситуация с современным Джоном Огастусом в российской системе уголовной юстиции XXI в.? Вопрос, очевидно, риторический, ибо ответ на него отрицательный. При этом участие общественности в деятельности уголовно-исполнительной системы издавна не без оснований провозглашается одним из важнейших принципов исправительно-трудовой политики и исправительно-трудового права[3].

В поздний советский период закон определял многообразные формы непосредственного участия граждан в предупреждении новых преступлений среди осужденных без лишения свободы. Статьи 44, 46[1] Уголовного кодекса РСФСР допускали возложение судом «на определенный коллектив трудящихся *или лицо* с их согласия (курсив мой. — *В. У.*)» обязанности по наблюдению за осужденным и проведению с ним воспитательной работы. Подобные нормы существовали при условно-досрочном освобождении от наказания и замене наказания более мягким в отношении совершивших преступления в возрасте до 18 лет. Передача судом несовершеннолетних под наблюдение отдельным гражданам «по их просьбе» была возможной как принудительная мера воспитательного характера.

Индивидуальную воспитательно-предупредительную работу граждан среди осужденных несовершен-

[1] В советских источниках по идеологическим соображениям он именовался «сапожником».

[2] См.: *Фойницкий И. Я.* Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. М., 2000. С. 177.

[3] См.: *Стручков Н. А.* Курс исправительно-трудового права. Проблемы Общей части. М., 1984. С. 208.

нолетних предусматривали также принятые указами Президиума Верховного Совета РСФСР в 1967 г. Положения о комиссиях по делам несовершеннолетних и об общественных воспитателях. Аналогичным указом в августе 1978 г. было утверждено Положение об общественных инспекторах органов, ведающих исполнением исправительных работ. После принятия в 1984 г. республиканского Положения о порядке и условиях исполнения в РСФСР уголовных наказаний, не связанных с мерами исправительно-трудового воздействия на осужденных, Положение об общественных инспекторах стало использоваться и во взаимодействии инспекций с представителями общественности при исполнении иных альтернативных наказаний.

Советские политико-идеологические постулаты априори предполагали приоритет коллектива перед личностью. Поэтому как законодатель, так и большинство юристов с известным недоверием относились к профилактическому потенциалу отдельных граждан[4], хотя существовали и иные мнения[5].

Принципиально важно, что в основанных на мировом опыте Минимальных стандартных правилах ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийских правилах)[6], отмечается важная роль представителей гражданского общества в эффективном применении альтернативных лишению свободы мер (п. 18.4, 19.1—19.3).

Как показывает отечественная и зарубежная практика, широта и эффективность предупредительной деятельности общественности и отдельных представителей гражданского общества во многом определяются общим состоянием «правового поля» их взаимодействия с различными структурами системы уголовной юстиции и уровнем организационной активности последних, в том числе наличием конкретных правовых возможностей, стимулов и гарантий. Ярким примером является Исправительно-трудовой кодекс РСФСР (ИТК РСФСР) 1970 г. в части регулирования взаимодействия администрации исправительно-трудовых учреждений с общественными наблюдательными комиссиями. Принципиально важно, что ряд значимых аспектов участия общественности в реализации исправительно-трудовой политики был конкретизирован и непосредственно включен в Кодекс. В частности, он предусматривал обязательное согласование с комиссиями ряда конкретных значимых для осужденных решений администрации исправительно-трудовых учреждений (перевод злостных нарушителей в помещения камерного типа, предоставление осужденным права передвижения без конвоя или сопровождения, представление осужденных к условно-досрочному освобождению, помилованию и т. п.). Это побуждало руководство учреждений инициировать и обеспечивать общественную активность как минимум в формальных рамках, когда общественное мнение не позволяло игнорировать закон.

Основанная преимущественно на «либеральных» принципах реформа уголовного законодательства в 1990-е гг., помимо прочего, свела на нет конкретные правовые возможности участия граждан в деятельности системы уголовной юстиции (передача на поруки, возложение некоторых профилактических функций (наблюдение, воспитание) на отдельных лиц при осуждении без лишения свободы или условно-досрочном

---

[4] См., например: *Лиеде А. А.* Общественное поручительство в уголовном судопроизводстве. Рига, 1963. С. 103.

[5] См.: *Уткин В. А.* Личное поручительство как средство профилактики рецидива преступлений // Актуальные правовые вопросы борьбы с преступностью: сб. ст. / отв. ред. *В. Д. Филимонов.* Томск, 1988. С. 130—131.

[6] Приняты резолюцией 45/110 Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1990 г.

освобождении). Ссылки на рост преступности, на деструктивную активность некоторых общественных формирований и их представителей не могли заслонить того печального обстоятельства, что в итоге государство здесь стало гораздо меньше доверять собственным гражданам.

Не стало исключением и законодательство об исполнении наказаний. С одной стороны, закрепляя среди своих принципов «демократизм» (ст. 8 УИК РФ), а в числе основных средств исправления осужденных — «общественное воздействие», Кодекс включил участие граждан в предмет своего правового регулирования (ч. 2 ст. 2). С другой стороны, конкретное правовое обеспечение и стимулирование общественной активности вообще и активности отдельных граждан в частности в УИК РФ практически отсутствует. И в связи с этим вряд ли обоснован вывод, что «в принятом в 1997 г. Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации... де-юре были признаны сложившиеся мощные возможности общества как средства воздействия на осужденных в процессе их исправления»[7].

После принятия Уголовного и Уголовно-исполнительного кодексов РФ граждане как относительно самостоятельные участники воспитательно-профилактической деятельности ушли из поля зрения и отраслевой юридической науки. Тем не менее отдельные примеры их организационно оформленного успешного участия в профилактике рецидива преступлений при альтернативных лишению свободы мерах имели место уже с начала века.

В этом отношении заслуживает внимания успешный опыт деятельности общественных инспекторов уголовно-исполнительных инспекций, накопленный в отдельных регионах России в начале 2000-х гг. при осуществлении проекта «Альтернативы тюремному заключению в Российской Федерации». Обобщение региональных практик привело к утверждению в 2001 г. приказом ГУИН Минюста России Примерного положения об общественных (внештатных) инспекторах уголовно-исполнительных инспекций[8]. Однако при его реализации пришлось столкнуться с тем, что действующее уголовно-исполнительное или какое-либо иное законодательство прямо не предусматривает никаких «общественных инспекторов (помощников)» в отличие от Положения 1978 г., принятого не на ведомственном уровне, а Указом Президиума Верховного Совета. В итоге упомянутый приказ был отменен. Но это является лишь дополнительным аргументом в пользу расширения соответствующего «законодательного поля» участия представителей гражданского общества в деятельности уголовной юстиции вообще и уголовно-исполнительной системы в частности.

В Федеральном законе от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» среди «лиц, участвующих в профилактике правонарушений» упомянуты не только общественные объединения, но и граждане (ст. 2), однако посвященная им ст. 13 «Права лиц, участвующих в профилактике правонарушений» исключительно бланкетна.

Понятно, что слово «основы» в наименовании рассматриваемого Закона уже предопределяет его «рамочный» характер, декларативность и бланкетность большинства норм, предполагающих федеральную и региональную конкретиза-

[7] *Попова Е. Э.* Общественное воздействие как основное средство исправления осужденных. М., 2015. С. 128.

[8] См.: Меры уголовной ответственности, не связанные с изоляцией от общества: пособие для сотрудников уголовно-исполнительных инспекций / под ред. *В. А. Уткина*. М., 2003. С. 103—107.

цию. Этого, однако, не происходит, ибо и в более поздних законодательных актах граждане, не наделенные конкретными правами и обязанностями, продолжают рассматриваться лишь как «объекты привлечения» со стороны государственных органов.

Данная тенденция проявилась, в частности, в Федеральном законе от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» (далее — Закон о пробации). Хотя в реализации пробации позитивный потенциал гражданского общества и его отдельных представителей очевиден, среди ее принципов (ст. 3) нет принципа участия общественности. Предельно декларативно очерчено в данном Законе взаимодействие субъектов пробации «с институтами гражданского общества», в том числе с «гражданами» (ст. 35). Что касается отдельных граждан как участников пробации, то они в различных качествах упоминаются в некоторых нормах рассматриваемого Закона, но сугубо как объекты организационного воздействия тех или иных государственных учреждений и органов. В части 3 ст. 6 «Субъекты пробации» указано, что в целях осуществления мероприятий пробации «могут привлекаться... граждане». Согласно ч. 2 ст. 15 Закона о пробации учреждения, исполняющие наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, «оказывают содействие осужденным в укреплении социальных связей с родственниками, лицами, оказывающими положительное влияние на поведение осужденных... К работе по восстановлению и укреплению семейных и социальных связей могут привлекаться... добровольцы (волонтеры), родственники осужденных и иные лица, имеющие положительное влияние на осужденных». Социальная помощь и содействие в трудовом и бытовом устройстве «могут предусматривать... заблаговременное информирование об освобождении осужденного его родственников либо иных лиц» (ч. 5 ст. 16). Наконец, в ст. 28 о полномочиях уголовно-исполнительных инспекций указано, что последние обеспечивают «организацию привлечения добровольцев (волонтеров) к полному или частичному сопровождению лица, в отношении которого применяется исполнительная или постпенитенциарная пробация». Тем не менее в сфере пробации граждане пока остаются вне юридического пространства как конкретные субъекты правоотношений.

Не добавил конкретики и приказ Минюста России от 29 ноября 2023 г. № 350 «О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с Федеральным законом от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ “О пробации в Российской Федерации”», сопровождаемый довольно объемными приложениями. Никакого конкретного порядка взаимодействия с общественностью вообще и с отдельными гражданами в частности он не устанавливает. По нашему мнению, начало этому должно быть положено не ведомственным актом (который по определению на институты гражданского общества не распространяется), а федеральным законом с его возможной конкретизацией на региональном уровне. Причем в первую очередь не только и не столько Законом о пробации с присущей ему практически неустранимой декларативностью и «рамочным» характером.

Стремление государства в последние годы к развитию взаимодействия с гражданским обществом привело в том числе к повышению внимания к волонтерскому движению. Упоминание о нем в Конституции РФ (п. «е^1» и «е^2» ч. 1 ст. 114) актуализировало проблемы использования волонтерства и в профилактической деятельности системы уголовной юстиции (заметим, что в ряде авторитетных международных актов граждане, участвующие

в деятельности служб пробации, названы именно «волонтерами»). Федеральный закон от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» в современной реальности актуализировал свое значение и потребовал новый механизм реализации. Известно, что ст. 17^2 этого Закона предоставляет волонтерам право содействовать органам государственной власти. Но лишь постановлением Правительства РФ от 28 ноября 2018 г. № 1425 были утверждены «Общие требования» к порядку взаимодействия государственных и муниципальных учреждений с организаторами добровольческой (волонтерской) деятельности, добровольческими (волонтерскими) организациями.

Концепция добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации до 2025 года, утвержденная Правительством РФ в декабре 2018 г., предусматривает участие волонтеров в работе с лицами, нуждающимися в социальной поддержке. По факту и смыслу Закона о пробации к ним могут принадлежать также освобожденные из пенитенциарных учреждений и осужденные без лишения свободы. В будущей редакции Концепции данное направление волонтерской деятельности заслуживает более конкретного закрепления.

Активнее стала обращаться к организационно-правовым проблемам волонтерства современная юридическая наука, основываясь, как правило, на успешном зарубежном опыте добровольческого содействия службам пробации[9]. В то же время отечественный опыт пока остается без должного внимания, хотя он был более многообразен.

Пробация и сфера воспитательно-профилактического воздействия на осужденных без лишения свободы и освобожденных от отбывания лишения свободы и принудительных работ в значительной степени совпадают. Исключение составляет контроль за поведением указанных лиц, коль скоро Закон о пробации не включает его в свой предмет. В связи с этим большинство рассматриваемых ниже потенциальных направлений воспитательно-профилактической деятельности одновременно представляют собой направления осуществления пробации.

В последние годы в работах криминологов вновь обоснованно акцентируется внимание на неиспользуемые возможности так называемой потестарной профилактики правонарушений[10], которую ранее автор этих строк именовал «негосударственной»[11]. Под ней понимаются «допускаемые и (или) легитимированные государством превентивные практики поведения... с целью устранения или нейтрализации причин и условий преступного поведения, а также формирования у личности антикриминальной ментальности»[12].

Применительно к системе уголовной юстиции в плане предупреждения криминологического рецидива преступлений профилактическое участие граждан (в рамках организованного волонтерства и вне его) с криминологических позиций в принципе потенциально возможно:

[9] См.: *Агабекян А. Л.* Непенитенциарные системы Европы. М., 2023. С. 118—120; *Кашкина Е. В., Хасанова С. К.* Отдельные аспекты привлечения добровольцев (волонтеров) к работе с лицами, в отношении которых применяется пробация // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. 2023. № 4(18). С. 39—46.

[10] См.: *Петровский А. В.* Институционально-нормативная система предупреждения преступного поведения: теоретико-прикладное исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2023. С. 13.

[11] См.: *Уткин В. А.* Правовые основы участия общественности и трудовых коллективов в предупреждении рецидива преступлений. Томск, 1990.

[12] *Петровский А. В.* Указ. соч. С. 23.

при освобождении от уголовной ответственности по ряду нереабилитирующих оснований;

условном осуждении и отсрочке исполнения наказания;

наказаниях, не связанных с лишением свободы;

подготовке к освобождению осужденных к лишению свободы и принудительным работам и их сопровождении в течение года после освобождения;

условно-досрочном освобождении и реализации режима испытания.

Отечественный и зарубежный опыт негосударственной профилактики позволяет выделить несколько ее относительно функционально обособленных, но взаимосвязанных направлений, где при соответствующих условиях роль отдельных граждан также может занять свое место: «общественное воздействие»[13], «общественное содействие» и «общественное противодействие». *Общественное воздействие* на личность виновного реализуется путем общественной ответственности (например, как это было предусмотрено ст. 51 УК РСФСР, рассмотрением дела в товарищеском суде при прекращении уголовного преследования) или непосредственным позитивным воспитательным влиянием в целях формирования у него указанной выше «антикриминальной» ментальности. О его содержании говорится в ст. 9 «Исправление осужденных и его основные средства» УИК РФ.

Общественное содействие предполагает два аспекта: помощь лицу (клиенту) в сфере пробации (социальное сопровождение и (или) социальные услуги, непосредственная помощь в трудовом и бытовом устройстве, в восстановлении семейных связей, в поступлении на учебу и т. п.) и содействие субъектам пробации.

Общественное противодействие, конечно, условно, ибо не включает формализованных принудительных мер. Тем не менее можно вспомнить имевшее место в УК РСФСР 1960 г. возложение на трудовой коллектив или общественную организацию с их согласия обязанности по наблюдению за осужденным условно или с отсрочкой исполнения приговора, а среди существующих — передачу несовершеннолетнего «под надзор родителей или лиц, их заменяющих» (ст. 90 УК РФ). Ведь факт нахождения «под наблюдением (надзором)» способен оказывать на виновного известное предупредительное воздействие. В свою очередь, своевременное доведение гражданами до уголовно-исполнительной инспекции информации о его поведении (в том числе о нарушении им возложенных на него обязанностей) — форма общественного содействия инспекции.

Начиная с 2018 г. успешно реализуется ряд совместных программ и проектов ФСИН России и Ассоциации волонтерских центров, направленных в том числе на ресоциализацию осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы. В Кыргызской Республике действуют волонтеры пробации, взаимодействие которых со службой пробации регламентировано приложением № 2 к постановлению правительства от 30 декабря 2018 г.[14] Еще раньше, в 1950 г., в Японии был принят Закон о волонтерах пробации, предусматривающий создание добровольческих организаций пробации. Их члены наряду с профессиональными сотрудниками осуществляют надзор за поведением клиентов[15]. Есть и иные многочисленные

[13] В советской и современной литературе оно, как правило, понимается предельно широко: как все возможные направления общественного участия в профилактической деятельности.

[14] См.: *Кашкина Е. В., Хасанова С. К.* Указ. соч. С. 42.

[15] См.: *Лакина И. А., Питкевич Л. П.* Развитие института добровольчества (волон-

примеры успешной волонтерской активности.

В то же время организационно-правовые формы профилактики рецидива со стороны отдельных граждан в принципе не должны ограничиваться рамками волонтерских организаций и самим членством в том числе потому, что среди волонтеров преобладают молодые люди. Но в такой деятельности весьма велик и профилактический потенциал авторитетных, позитивно настроенных и умудренных жизненным опытом представителей старшего поколения. Их мотивация может носить не столько «общественный», сколько личностный характер. Поэтому распространенная ныне идея инструментального «привлечения» граждан должна быть дополнена концепцией «участия» с предоставлением отдельным гражданам юридических возможностей реализации их инициатив независимо от статуса волонтеров[16]. На некоторых из возможных организационно-правовых форм остановимся подробнее.

О неиспользованном профилактическом потенциале *личного поручительства* автор этих строк писал еще в конце 1980-х гг.[17] Позднее, обращаясь к наказанию в виде ограничения свободы, С. Ф. Милюков также отмечал потенциальные возможности личного поручительства в контроле за поведением осужденных[18].

Советское уголовное и исправительно-трудовое законодательство по отмеченным выше причинам не признавало личного поручительства. Ныне оно предусмотрено законом лишь как мера пресечения (ст. 103 УПК РФ) и состоит в письменном обязательстве заслуживающего доверия лица о том, что оно ручается за выполнение подозреваемым или обвиняемым обязательств в назначенный срок являться по вызовам дознавателя, следователя и в суд; а также не препятствовать производству по уголовному делу. При невыполнении поручителем своих обязательств на него может быть наложено денежное взыскание до 10 тыс. руб.

По нашему мнению, ст. 103 УПК РФ, выделяющаяся лаконичностью, ясностью и простотой, в перспективе может быть использована в качестве образца юридической регламентации в уголовном законе личного поручительства отдельных заслуживающих доверия граждан как средства обеспечения выполнения специальных обязанностей и соблюдения запретов осужденными без изоляции от общества и освобожденными из мест лишения свободы и исправительных центров. Такое обязательство гражданина, возможно, обеспеченное залогом, могло бы соединяться с его ходатайством о передаче виновного на поруки, об осуждении без лишения свободы, об освобождении от наказания.

Институт *общественных инспекторов уголовно-исполнительных инспекций* также может успешно функционировать вне волонтерских организаций, выполняя профилактические задачи в отношении осужденных и задачи содействия уголов-

терства) как фактор ресоциализации лиц, осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2021. № 8. С. 6—11.

[16] См.: *Уткин В. А.* О перспективах участия граждан в пробации // Общественная опасность в уголовном, уголовно-исполнительном праве и криминологии: матер. XIV Российского конгресса уголовного права (30—31 мая 2024 г.) / редкол.: *В. В. Александрова* и др. М., 2024. С. 538—541.

[17] См.: *Уткин В. А.* Личное поручительство как средство профилактики рецидива преступлений // Актуальные правовые вопросы борьбы с преступностью. Томск, 1988. С. 128—140.

[18] См.: *Милюков С. Ф.* Борьба с преступностью: неожиданные аспекты// Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 7 / отв. ред. *В. И. Горобцов.* Красноярск, 2004. С. 13.

но-исполнительным инспекциям. Для легитимизации их деятельности (но не только для этого) целесообразно прежде всего дополнить название ст. 23 УИК РФ упоминанием о содействии не только общественных объединений, но и граждан в работе учреждений и органов, исполняющих наказания, а также разработать для последующего утверждения Правительством России Положение об общественных инспекторах уголовно-исполнительных инспекций (общественных инспекторах пробации).

Предлагаемая новелла ст. 23 УИК РФ расширит правовые возможности реализации инициатив отдельных граждан в *постпенитенциарной пробации*, в восстановлении социальных связей освобождаемых из мест лишения свободы. В таких целях ст. 97 УИК РФ предусматривает предоставление отдельным категориям осужденных краткосрочных выездов (до семи суток, не считая времени на дорогу) для предварительного личного решения ими вопросов их трудового и бытового устройства. Однако на практике такие выезды по известным причинам крайне редки. Судя по официальной статистике ФСИН России, в первом полугодии 2024 г. только условно-досрочно из исправительных учреждений были освобождены 6,6 тыс. человек, тогда как право на краткосрочный выезд для трудового и бытового устройства получили лишь немногим более 400 человек. Однако установление значимых для адаптации осужденного перспективных социальных связей возможно и путем их посещения заинтересованными, заслуживающими доверия гражданами, способными оказать им помощь на местах. УИК РФ (ст. 89) допускает предоставление осужденным краткосрочных свиданий не только с родственниками, но и с «иными лицами», однако лишь в пределах общего числа разрешенных свиданий либо в качестве меры поощрения (ст. 113). В свете сказанного имеет смысл предусмотреть в ст. 89 УИК РФ также возможность предоставления целевых («пробационных») краткосрочных свиданий осужденным в последние месяцы перед их освобождением.

Список литературы

1. Агабекян А. Л. Непенитенциарные системы Европы. М., 2023.

2. Кашкина Е. В., Хасанова С. К. Отдельные аспекты привлечения добровольцев (волонтеров) к работе с лицами, в отношении которых применяется пробация // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. 2023. № 4(18).

3. Лакина И. А., Питкевич Л. П. Развитие института добровольчества (волонтерства) как фактор ресоциализации лиц, осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2021. № 8.

4. Лиеде А. А. Общественное поручительство в уголовном судопроизводстве. Рига, 1963.

5. Меры уголовной ответственности, не связанные с изоляцией от общества: пособие для сотрудников уголовно-исполнительных инспекций / под ред. В. А. Уткина. М., 2003.

6. Милюков С. Ф. Борьба с преступностью: неожиданные аспекты// Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 7 / отв. ред. В. И. Горобцов. Красноярск, 2004.

7. Петровский А. В. Институционально-нормативная система предупреждения преступного поведения: теоретико-прикладное исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2023.

8. Попова Е. Э. Общественное воздействие как основное средство исправления осужденных. М., 2015.

9. Стручков Н. А. Курс исправительно-трудового права. Проблемы Общей части. М., 1984.

10. Уткин В. А. Личное поручительство как средство профилактики рецидива преступлений // Актуальные правовые вопросы борьбы с преступностью: сб. ст. / отв. ред. В. Д. Филимонов. Томск, 1988.

11. Уткин В. А. О перспективах участия граждан в пробации // Общественная опасность в уголовном, уголовно-исполнительном праве и криминологии: матер. XIV Российского конгресса уголовного права (30—31 мая 2024 г.) / редкол.: В. В. Александрова и др. М., 2024.

12. Уткин В. А. Правовые основы участия общественности и трудовых коллективов в предупреждении рецидива преступлений. Томск, 1990.

13. Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. М., 2000.

References

1. Agabekyan A. L. *Non-penitentiary systems in Europe*. Moscow, 2023.

2. Kashkina E. V., Khasanova S. K. Separate Aspects of Involving Volunteers to work with persons on whom probation is applied. *Vestnik Tomskogo instituta povysheniya kvalifikatsii rabotnikov FSIN Rossii*, 2023, no. 4(18).

3. Lakina I. A., Pitkevich L. P. Development of the institute of volunteerism as a factor of resocialisation of persons sentenced to punishments not related to isolation from society. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noy sistemy*, 2021, no. 8. DOI: 10.51522/2307-0382-2021-231-8-6-11.

4. Liede A. A. *Public surety in criminal proceedings*. Riga, 1963.

5. Utkin V. A. (ed.). *Measures of criminal responsibility not related to isolation from society*. Moscow, 2003.

6. Milyukov S. F. Combating crime: unexpected aspects. In: Gorobtsov V. I. (ed.). *Actual problems of the theory of combating crime and law enforcement practice*. Iss. 7. Krasnoyarsk, 2004.

7. Petrovsky A. V. *Institutional-normative system of prevention of criminal behaviour: theoretical and applied research*. Dr. diss. thesis. Krasnodar, 2023.

8. Popova E. E. *Public influence as the main means of correction of convicts*. Moscow, 2015.

9. Struchkov N. A. *Course of correctional labour law. Problems of the General Part*. Moscow, 1984.

10. Utkin V. A. Personal surety as a means of prevention of recidivism of crimes. In: Filimonov V. D. (ed.). *Actual legal issues of the fight against crime*. Tomsk, 1988.

11. Utkin V. A. On the prospects of participation of citizens in probation. In: Aleksandrova V. V. et. al. (eds). *Public danger in criminal, criminal-executive law and criminology. Proceedings of the XIV Russian Congress of Criminal Law (30—31 May 2024)*. Moscow, 2024.

12. Utkin V. A. *Legal bases of participation of the public and labour collectives in the prevention of crime recidivism*. Tomsk, 1990.

13. Foynitsky I. Ya. *The doctrine of punishment in connection with prison science*. Moscow, 2000.

Информация об авторе

В. А. Уткин, д.ю.н., проф., засл. юрист РФ, заведующий кафедрой уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института ТГУ

Information about the author

V. A. Utkin, Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of Criminal Executive Law and Criminology, Law Institute, TSU

Поступила в редакцию 06.11.2024
Принята к публикации 28.11.2024

Received 06.11.2024
Accepted 28.11.2024